

КРИЗИС В США: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ И НЕЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ НА ФОНЕ УПАДКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2010 г. А.И. Дейкин*

Институт США и Канады Российской академии наук, Москва

Первые шаги администрации Обамы свидетельствуют о пересмотре теоретических и практических предпосылок экономической политики, в большой мере ставшей для крупных держав инструментом игры за сохранение выгодных мировых позиций. Но эта игра по либералистским правилам чревата сегодня безмерными рисками. Главную задачу администрация Обамы видит в восстановлении роли деградировавшей экономической мысли и выработке новой философии для практической экономической политики.

Ключевые слова: *человеческий фактор, Экономический совет при президенте США, закон США 1946 г. «О занятости»*

С момента публикации журналом «США ❖ Канада: экономика, политика, культура» в мае – июне 2009 г. статьи об основных событиях в мировой и российской экономике, мостивших путь к началу текущего кризиса, произошло немного изменений**. В России и на международной арене продолжается очень правильная риторика, экономика прекратила порывистое движение вниз, но мало что делается для создания «нового экономического порядка», объявленного с год назад перепуганной «двадцаткой» едва ли не приоритетом № 1. Перспективы завершения кризиса пока не очень ясны, но непосредственная опасность вроде отступила и принимающие решения политики тут же перевели на задний план беспокоящие мысли о следующем кризисе, который наступит так же неожиданно, как и нынешний.

В США власти, кажется, действуют энергичнее. Президент Б. Обама 17 июня 2009 г. выступил с планом реорганизации финансового, а по существу – и экономического механизма страны. В своей речи он, в частности, полностью подтвердил верность двух главных тезисов упомянутой выше статьи: основная причина кризиса – бесконтрольная алчность предпринимателей, основная причина бесконтрольности – забвение государством своих обязанностей в экономике, или, как подчеркнул Обама, распространение «культуры безответственности» не только в среде предпринимателей, но и повсеместно в правительственных-административных структурах разных уровней власти в США.

Не будем забывать, что и выводы политика Обамы, и демонстрируемый им новый подход к решению острых проблем экономики не обходятся без дея-

---

* **ДЕЙКИН Александр Иванович** – старший научный сотрудник ИСКРАН.

E-mail: USA-Canada@mail.ru

** «США ❖ Канада», 2009, № 5, 6.

тельного содействия десятков его экономических советников, многих из которых мы знаем как первоклассных специалистов. Высказываемая им резкая критика американской хозяйственной реальности – это осознание глубочайшего вреда либеральных доктрин и мелкотемья, в которые в основном ушла в последние десятилетия современная экономическая наука, в том числе и американская (и которые так жестоко критикует, например, нобелевский лауреат, знаток вашингтонской экономической кухни Дж. Стиглиц), – и одновременно зримой деградации этой самой, не так давно столь знаменитой, кухни. Представляется, что, следуя обрисованным им направлениям, Обама взял из предлагаемых в сложившихся обстоятельствах наиболее верный для его страны антикризисный курс.

В поисках лица либеральной экономической теории

Развитие нынешнего хозяйственного кризиса в США настойчивее чем когда-либо напоминает сразу о нескольких обстоятельствах, так или иначе затрагивающих подготовку и реализацию экономических решений на высшем уровне, то, что обычно именуют процессом формулирования и практического проведения государственной экономической политики. Можно, по здравом размышлении, предположить, что вопрос этот интересен для всех стран, где есть – или должна быть – экономическая политика. Любопытно, однако, что серьёзного внимания теме формирования и формулирования макроэкономической политики ни американская администрация, ни мировое сообщество (в лице, например, «двадцатки»), ни даже российское правительство с момента фиксации начала кризисных процессов и до середины 2009 г. не уделяли, и только в июне лёд, как кажется, ощутило тронулся в США.

Это не может не показаться странным, потому что, если забыть о «потерянном» этапе «ранней диагностики» текущего кризиса, именно такие действия – или бездействие – властей ярче всего характеризуют избранную ими дорогу к выходу из кризиса, к модернизации экономики для придания ей стабильности, к предотвращению будущих кризисов или, по крайней мере, к их смягчению. Но не будем забывать, совсем без причины странности такого рода не случаются.

Три объединённые первостепенной важностью цели названы выше не случайно. Выход из кризиса – на сегодня главная задача, – но, конечно, это только на сегодня. Тушение пожара не может быть самоцелью, как бы тяжело при этом ни приходилось экономике и социальной сфере. Экономика после кризиса – вот о чём думают ответственные правительства, принимая экстренные и чрезвычайные – но сиюминутные меры. Значит, речь должна вестись о том, что вполне уместается в понятие «модернизация хозяйства», чтобы кризис закончился какими-то конструктивными действиями и чтобы подготовить базу для послекризисного подъёма экономики. Наконец, разумеется, надо думать о предотвращении или смягчении в будущем печальных кризисных событий. Идея о профилактике будущих кризисов возникает немедленно всякий раз при появлении первых же симптомов очередного хозяйственного спада, но и

так же немедленно куда-то исчезает по его завершении, а на этапе подъёма экономики сменяется столь же исправно мыслями о приходе «бескризисной эры», хотя все образованные экономисты знают, что в рыночной экономике такого быть не может, ибо это противоречило бы её природе.

Предотвращение кризисов при современном положении дел может быть в реальности не более чем общим символическим пожеланием, а если к тому же быть честным, – несбыточной мечтой, потому что главная и общая, а в конце концов – единственная причина их регулярного повторения (как, в который раз оказывается, сказано в марксистской политэкономии), заключается в фундаментальном противоречии рыночной капиталистической экономики – между общественным характером труда и частным способом присвоения его результатов.

Немарксистская политэкономия склонна, как известно, объяснять «нарушения деловых циклов» множеством различных частных причин, чаще всего возникновением мелких дисбалансов. Объяснений этим дисбалансам, в свою очередь, приводится множество, но главное из них, как представляется, – нежелание признать естественность и регулярность неизбежных кризисных ситуаций в рыночной экономике, чтобы таким образом сохранять хотя бы воображаемую, «теоретическую» надежду на прекращение циклических флуктуаций после того как – опять-таки в мечтах – эти частные, «избегаемые», причины окажутся наконец преодоленными.

В последний раз надежда на приход бескризисного капитализма вспыхнула у части – не у всех – буржуазных политэкономов в конце прошлого века в связи с заявленным наступлением «новой экономики», базирующейся на широком распространении компьютеров и на применении информационных технологий. Эта надежда так и осталась никем не обоснованной научно, встречена была с саркастическим скепсисом – и тут же похоронена очередным кризисом, ничем особым не выделявшимся, «проходным», но тем и интересным, потому что его, как неоднократно до тех пор случалось, следовало рассматривать как промежуточный, частный, перед наступлением того глобального финансового потрясения, которое теперь, начиная с середины 2008 г., весь мир испытывает, забыв – в который раз – обо всех проектах «бескризисного» хозяйствования.

Расчёт на бескризисное развитие рыночной экономики – сродни ожиданию чуда, то есть чего-то иррационального, идущего вразрез с природой и логикой. В современных условиях на такое способны разве что завзятые либеральные фундаменталисты, да к тому же только те из них, кто продолжает искренне верить в существование «либеральной экономики» как равноправного законченного экономического учения или хотя бы в правомерность существования такого течения в экономической науке.

Примитивизм провинциальных научных течений очень часто выглядит привлекательно и способен даже вызвать симпатии у невзыскательной публики, особенно если это приносит или хотя бы обещает дивиденды. Однако сегодня проповедь либерально-экономических теорий и вера в них может в лучшем случае показаться недоразумением, и не потому, что весь экономический либерализм оказался до основания разрушен событиями в мировой экономике последних двух лет, а перед тем – результатами реформ на постсоветском

пространстве по либеральным рецептам. Дело вовсе не в его несбыточности: крах экономического либерализма, как теоретической доктрины и при попытках его практического воплощения, можно было неоднократно наблюдать и раньше, – и всякий раз он возрождался, несмотря на очевидную и как будто безусловную бессмысленность возврата к либеральной экономической мысли.

Крупнейшим событием этого ряда был кризис 1929–1933 гг., после которого мифу о всемогуществе «свободного и саморегулирующегося рынка» в реальной жизни, кажется, не осталось места. Но едва были преодолены самые тяжёлые кризисные проявления, как попытки защитить «свободу рынка» возобновились и продолжают до наших дней, достигая порой заметных масштабов, – а ведь речь-то о событиях 80-летней давности. Так что недоказанность – и недоказуемость, надо думать, – правомерности существования экономического либерализма роли практически не играет.

Почему столь многие исследователи и политики, – да к тому же так легко, мирятся с этим (всем, разумеется, известным) фактом, – вопрос сам по себе интересный и достоин отдельного подробного рассмотрения, в том числе и в экономическом ракурсе. Но сейчас намного важнее напомнить о другом факте, тоже, в общем, не скрываемом, но и особого внимания не привлекающем. Причины этого явления тоже весьма интересны: речь идёт о том, что многие положения концепции «экономического либерализма» в научном их варианте как будто нигде и никем в законченном виде не сформулированы, кроме самых общих и потому ни о чём не говорящих аналитику формул типа «государства должно быть меньше» или «экономикой должен управлять рынок». Опошление экономической науки с последующей её неудержимой деградацией как раз и начинается с подобных ярких, но бессмысленных и бездоказательных высказываний.

Живучесть их тоже представляет собой интересное явление, правда, не более чем в качестве образца искусно создаваемой популярности для заведомо фальшивых ценностей. Между тем всякая попытка логического анализа каждого из тех нескольких положений, которые в разных сочетаниях и редакциях обычно приводятся сторонниками «либеральной экономики» в качестве теоретической основы этого учения, неизменно заводит в глухой тупик, рождая массу вопросов и не давая на них ни одного удовлетворительного ответа: надо думать, возможность такого ответа не предусмотрена самим содержанием «либералистских» положений в любом из их известных вариантов. Самое же любопытное и, видимо, главное свойство этих формулировок заключается в том, что, если найти редакцию какого-то из «либеральных» положений, сообщаящую ему логически внятное содержание, это положение тут же теряет свои специфически «либеральные» свойства и либо превращается в логичное положение общей экономической теории, либо становится бессмысленным.

Логика плохо совместима с либерально-экономическими постулатами (или аксиомами), и это легко доказывается при анализе любой из таких вербальных формул. К сожалению, указанная причина мешает найти репрезентативный образец для такого эксперимента: есть книги о либеральном взгляде на ту или иную проблему экономики, авторы которых не говорят ни слова о своём понимании либеральной теории. Видимо, было бы справедливым взять для

тест-анализа Вашингтонский консенсус, поскольку и текст широко известен, и авторы его – известные специалисты по «либеральной экономике». Однако сейчас можно уже твёрдо сказать, что это – не изложение хотя бы подобия теоретической концепции, а всего лишь набор пожеланий, проживший недолгий век. Его путаность и ненаучность оказались запредельными, и очень скоро составители заменили его новым набором рекомендаций по реформированию развивающейся или переходной экономики, столь же категоричным по форме и слабо аргументированным, однако разбавленным признанием необходимости участия государства в реформенных процессах: шаг вперёд по сравнению с «вашингтонским» вариантом с его туповатыми требованиями повсеместного изъятия государственного участия из реформенных и экономических процессов соответствующих стран, а России – в первую очередь.

Международное экономическое сообщество не смогло обнаружить проявлений практической полезности от применения обоих вариантов «консенсуса», – как «вашингтонского», так и «поствашингтонского». Настрой многочисленных критических отзывов о каждом из вариантов был и остаётся уничтожающим, а обращена критика и на форму, и на содержание обоих документов: трудно оспаривать впечатление, что в них отсутствуют научные идеи, нет системы и объединены они только одной навязчивой мыслью: государства должно быть возможно меньше. Её трудно признать научной, но и это, вероятно, нельзя считать главным основанием для отказа текстам «консенсусов» в теоретической состоятельности и, значит, в свойствах, необходимых для их использования в качестве анализируемых образцов.

Но куда важнее, по сравнению с примитивным однообразием формулировок, в «консенсусах» выглядит то обстоятельство, что составлялись они экспертами МВФ и ВБ в явной «политико-заказной» спешке, и столь же спешная переработка качества и научной объективности им не прибавила, – почему и не получили признания ни тот, ни другой вариант.

Поэтому, видимо, целесообразнее всего избрать в качестве официального тест-образца приводимый чаще всего перечень главных экономических характеристик «либеральной экономики», состоящий из трёх считающихся, очевидно, основополагающими позиций: минимизация государственного вмешательства в экономику, максимальная приватизация госсобственности и открытость внешнеэкономических связей. К этому перечню могут быть предъявлены претензии в отношении, скажем, его незаконченности или неточности обозначения отдельных позиций. Однако согласованного со всеми «сторонами» и выверенного списка свойств или признаков либеральной экономики или экономической политики не существует (и есть подозрение, по ряду причин существовать не может), так что отбор таких свойств и признаков, какова бы ни была его цель, каждому приходится проводить на собственное усмотрение, – и это тоже не свидетельствует в пользу научности либеральной доктрины.

Так или иначе, приведённый перечень содержит все традиционно основные признаки экономического либерализма, а требование минимизации роли государства в любом случае и в любом списке признаков остаётся главным, основным и центральным. Этим и объясняется выбор его в качестве первого из образцов для анализа на «либерально-теоретическую» состоятельность. Правда,

попутно возникает «посторонняя» сложность. Качественный анализ в данном случае должен быть сравнительным, – и не очень ясно, с какой из других возможных экономических концепций следовало бы сравнивать либерализм. Между тем результаты анализа и сравнения могут сильно различаться в зависимости от избираемого объекта сравнения. Здесь приходится поневоле прибегать к упрощениям и допускам и рекомендовать для сравнения с либерализмом теорию кейнсианства: она чаще всего упоминается в качестве реального противоядия либерализму и оппонирующей ему доктрины и, кроме того, в понимании кейнсианства в мире больше согласия, чем в понимании и толковании других теоретических направлений, включая такие не очень чёткие теории, как неоклассицизм, неолиберализм или то же некейнсианство – и, видимо, не стоит, хотя и по другой причине, упоминать экономическую теорию марксизма.

Необходимо, однако, сделать существенную оговорку: кейнсианство следует брать в его истинном («как написано») виде, но не в том, который оно со временем обрело у многих авторов: теория государственного вмешательства в экономику. Это – искажение, государство у Кейнса играет важную, но «инструментальную» роль средства для выполнения основных задач воздействия на экономику. В остальном теория Кейнса, если не обращать внимания на неопределённость преобладающих в обществе представлений о ней, вполне подходит для сравнения с либерализмом, да и с другими экономическими теориями.

При осуществлении намеченного анализа и сравнения нужно, вероятно, искать те особенные, специфические черты, которые бы дали нам основание рассматривать либерализм как самостоятельную теорию, хотя бы по одному из сравниваемых пунктов не повторяющую никакую иную экономическую концепцию и в то же время лишённую внутренних противоречий, которые бы могли воспрепятствовать применению её на практике в какой-либо – в идеале любой – стране. Поскольку, по отзывам либералистских экспертов, принципиальное различие либерализма и всех других теорий связано с ролью государства в экономике, экономической политике и теории, внимание приходится сконцентрировать, прежде всего, на этой роли. Но здесь нас ожидает очередная сложность: невозможно, оказывается, выразить эту роль точно и кратко, несколькими словами, которые бы исключали разночтения. Они и наполняют соответствующие либеральные формулировки.

Либерально-экономические авторы, в целом как будто полностью солидарные друг с другом в отрицании необходимости государственного участия или вмешательства в экономику, выражают это отношение весьма различными формулировками, и различия часто носят далеко не стилистический, но, напротив, глубоко сущностный характер. Например, из кратких и широко известных формулировок сразу вспоминаются такие: «чем меньше государства, тем лучше для экономики», «государства в экономике должно быть возможно меньше», «государство само по себе – главная проблема для экономики» и т.п. Другие, более обстоятельные формулировки на эту тему ничем по сути своей не отличаются от приведённых, кроме, правда, одной: формулу «государства должно быть в экономике не больше, но и не меньше, чем надо» принято приписывать ордолибералам, но они явно не единственные проявляют склонность к такому взвешенному пониманию роли и места государства в экономике, и

недаром с этой формулой и её автором Л. Эрхардом принято связывать «германское экономическое чудо».

Если теперь исключить из нашего рассмотрения ордолиберальный вариант ввиду его явного несоответствия классическому либералистскому «мейнстриму», все остальные приводимые формулировки неизбежно ставят перед исследователем по меньшей мере два вопроса, и первый из них носит принципиальный характер: поскольку речь всюду ведётся о «количестве» государственного вмешательства, то какое количество, по либеральной версии, следует считать идеалом и какой – оптимумом. Нужно ли считать идеалом нулевой уровень государственного участия или какой-то другой, предполагающий сохранение за государством определённого объёма экономических функций? И второй – тоже не самый, как оказывается, простой вопрос: в каких формах это участие или вмешательство может осуществляться, какие из них подвергаются «либеральному учёту» и какими методами нужно и можно исчислять их «количество» в каждом случае?

Если следовать логике первой из упоминавшихся формул «чем меньше государства, тем лучше», следует стремиться к полному исчезновению, а при проведении либеральной политики – к изъятию государства и его функций из экономики: это должно быть конечной целью либерализма и привести к безраздельному воцарению всеильного саморегулирующегося рынка. Допустим, что идея залихватского призыва и по правде такова и не является метафорическим преувеличением. Тогда сторонникам этой, следует подчеркнуть, экстремальной точки зрения следовало бы быть последовательными и признать два очевидных и всем известных факта: во-первых, такого нигде пока не произошло (и это, надо думать, не случайно и никак не в пользу жизнеспособности либерализма), а во-вторых, в Соединённых Штатах в последние годы можно было наблюдать подобие такого процесса – постепенное снижение роли государства в управлении макроэкономикой; окончательная – по «формуле-1» – цель, конечно, далеко не была достигнута, но возможный эффект завершения такого процесса продемонстрирован ярко и оказался чрезвычайно любопытным.

Когда американский бизнес бросился очертя голову в бесконтрольные – благодаря самоустранению государства – спекуляции, кризис, финансовый и затем экономический, развернулся практически мгновенно по всей стране, перекинувшись и в мировую экономику; дальше наступило самое интересное: «олигархи» в США, как и в России, тут же заявили права на кошелек государства (отмены которого они с либералами вместе как будто и добиваются), а правительства – как «либеральное» российское, так и прагматически осмотрительное, несмотря ни на что, американское, деньги мгновенно начали выдавать; и никто из участников этой хорошо срежиссированной игры так до сих пор и не ответил на каверзный вопрос: а что случилось бы, если бы этих «нелиберальных» денег – части бюджетного механизма государственного влияния на экономику – не оказалось в пределах ближайшей и немедленной досягаемости?

Между тем, ответ на этот вопрос неудобен не только своей сутью, но и обезоруживающей простотой: уже в первые месяцы 2008 г., в самом начале кризиса, в России все олигархи, а в США вся экономика источали самый искренний и нескрываемый ужас перед происходящим: не такое свободное

предпринимательство они планировали, не о такой «невидимой руке» они мечтали и говорили, и государство оказалось единственной и почему-то естественной их опорой и источником нужной поддержки, – потому, в частности, что нужный для помощи предпринимателям, а говоря проще – для их спасения – объём средств, тем более «немедленных», можно найти только в распоряжении государства. И если бы государства не было или если бы оно оказалось сведено «к минимуму» к середине 2008 г., экономику США уже к середине 2009 г., не исключено, поразил бы настоящий, небывалый коллапс, равного которому не видела ни «Великая депрессия» 1930-х годов, ни другие периоды американской истории.

Этот коллапс мог быть непривычным по объёму и по охвату всего, что только может поразить кризис, а также – скоротечностью, снимавшей при Дж. Буше-мл. вопрос о быстром реагировании или мерах противодействия: в данном случае противодействие должно было сформироваться, во-первых, мгновенно по времени, а во-вторых – быть снайперски точным, поскольку для антикризисного оружия вдруг появилось много целей, в том числе и новых, непривычных, обещавших небывалые осложнения при борьбе с ними грубыми методами.

Но при Буше-мл. это было неосуществимо: его экономический аппарат не был готов к выполнению задачи «быстрого реагирования», но он, больше того, на такую задачу и не был сориентирован и, судя по многим признакам, в качестве своей первоочередной обязанности выполнение такой задачи и не рассматривал. Напротив, позиция экономического аппарата того (и предшествовавшего) периода поразительна выражением нескрываемого равнодушия к происходящему.

Советы уклончивых консультантов

Действия бушевского экономического аппарата в конце 2008 – начале 2009 г. поразительные даже на фоне той позиции свободного созерцания и невмешательства в разворачивавшиеся события, динамично и уверенно направляли американскую экономику к катастрофическому взрыву*. «Мозговой трест» администрации спокойно регистрировал происходящее в экономике, будто уклоняясь от чересчур пронизательных оценок или не понимая (а может быть, намеренно делая «непонимающий» вид) истинной, катастрофической глубины разворачивающегося кризиса. В отчёте о деятельности за 2008 г. Экономического совета при президенте Буше-мл. указано: его члены «принимали участие в дискуссиях по ряду макроэкономических проблем», в частности, «активно обсуждая макроэкономическое воздействие перебоев на рынках кредита и в жилищной сфере, готовя аналитические материалы и оказывая помощь действиям администрации» по поддержанию финансовой стабильности. Слово «кризис» отсутствует, а приводимые мероприятия нашли место лишь в периферийной части рабочего отчёта по мероприятиям в области макроэкономики.

---

* «США ❖ Канада». 2009, № 5 и 6.

Правда, в основном тексте годового доклада Экономического совета кризисным событиям уделено больше места; с сожалением отмечается, что спад может продлиться до завершения первого полугодия 2009 г., но уже во втором полугодии предсказывается облегчение. Иными словами, к началу 2009 г., когда весь мир был полон самых мрачных прогнозов, а динамика и американского, и мирового кризисов не давала ровно никаких надежд на их смягчение, расчёт бушевских официальных экономистов на фактически немедленное улучшение положения выглядел странно и противоестественно. Не видеть этого, «просмотреть» кризисную динамику советники бывшего президента не могли. Во всяком случае, не должны были – к тому обязывало их должностное положение и бывшая неплохая репутация представляемого им органа.

Но советники не увидели очевидного. Сделали они это по личному убеждению в либеральном всемогуществе рынка, который «все расставит по местам», или им приказал так написать их непосредственный начальник, или, может быть, они это написали сознательно, но ни минуты в это не веря, а просто потому, что этого от них ждали или таковы были правила игры, в которую они оказались допущены на определённых условиях, – всё это вопросы, интересные скорее будущему историку или нравственному прокурору, если бы такой имелся в правительственном аппарате США.

Нас интересует сейчас несколько иной ракурс той же проблемы: что заставило членов президентского совета предать забвению принцип научной честности и неподкупности, на который делали ставку авторы закона «О занятости» 1946 г., конструируя президентский Экономический совет. Оказался нарушен опорный этический принцип – и это вновь вмешался всё тот же «человеческий фактор», который заставил Буша-мл. придумать не очень-то новый и оригинальный, не отвечавший потребностям экономики, но выгодный богатым избирателям и отвечавший предвыборным обещаниям экономический курс. Не так уж важно, стал ли этот курс следствием самозомбирования экономических советников президента, или их экономическая квалификация и вправду помешала им видеть развитие катастрофы из их рекомендаций или их отсутствия. Важно, что на глазах у всех происходила деформация хозяйственного курса, разрушение нормальной конъюнктуры, но процессы никто не попытался приостановить, а вскоре они уже и не поддавались воздействию обычными средствами регулирования.

Любопытна общая оценка советниками Буша-мл. причин и хода кризиса и перспектив его завершения, а также состояния экономики страны в 2008 г. В докладе авторы вынуждены сказать прямо: кризис, собственно, начинался в конце 2007 г., симптомы были замечены, но, видимо, недооценены, и администрация даже пыталась принять какие-то меры, оказавшиеся, однако, неадекватными, а кризис, немного «потоптавшись» на месте, в четвёртом квартале набрал неожиданную силу. Влияли несколько факторов: рекордно высокие товарные цены этого периода, пережитые страной природные бедствия, продолжительная слабость рынка жилья.

Тексты предисловия и глав 1 и 2 доклада за 2008 г., хотя и того авторы или нет, звучат своего рода приговором самим себе, поскольку принятые меры плохо отвечали объективному развитию кризиса. Вот как зарождение и по-

следующее усиление кризисного процесса описывается в главе 1 важнейшего экономического документа американского президента, изданного в феврале 2009 г., – эта глава, как правило, каждый год носит стандартный заголовок «Экономика в отчётный год и в ближайший период», в отличие от других глав, наименования которых в зависимости от экономической ситуации и от проводимой администрацией политики ежегодно меняются. Авторы доклада, как всегда (это стало давней традицией), не забывают подчеркнуть, что темпы роста реального ВВП США замедлились в первой половине 2008 г. после шести последовательных лет непрерывного роста. Рецессия, по словам советников, началась уже в декабре 2007 г. Естественное и всё равно неожиданное падение цен на жилье породило «каскад проблем», угрожавших благополучию нескольких крупнейших финансовых институтов и завершившихся крупным падением биржевых котировок. Продолжились и финансовые неурядицы с ипотечными ценными бумагами, к сентябрю 2008 г. они уже обрели форму «катаклизмов». К ноябрю 2008 г. число рабочих мест ежемесячно сокращалось уже на 420 тыс. по сравнению со среднемесячным показателем в 82 тыс. в январе – августе, а уровень безработицы пересёк опасную планку в 6,5%, составив 6,7%, и реальная почасовая оплата труда снизилась на 2%.

Налогово-инвестиционные стимулирующие меры, предложенные Бушем-мл. в январе и одобренные Конгрессом в феврале, составившие, по оценке, в целом 113 млрд. долл., перестали действовать уже к концу года. Темпы роста ВВП, по опубликованному в том же докладе прогнозу, сильнее всего должны были снижаться в последнем квартале 2008 г. – первом квартале 2009 г., а уровень безработицы в целом на 2009 г. предсказывался в среднем в 7,7%, однако активная кредитно-денежная политика и денежные «вливания» Министерства финансов в финансовые учреждения страны должны были, по мнению авторов доклада, существенно облегчить экономическое положение во второй половине 2009 г., причём помочь этому должно было падение цен на нефть. В 2010–2011 гг. советники Буша-мл. ожидали энергичный подъём экономики, который должен был свести безработицу к 5% уже в 2012 году.

Однако летом 2008 г. начались и финансовые сбои, причём на рынке кредитов, обнаружив себя ещё в 2007 г., они перешли в кризис глобальной финансовой системы. Восстановление финансовой стабильности потребовало экстраординарных мер. Они описываются в главе 2. По мнению советников Буша-мл., корни этого кризиса сформировались в конце 1990-х годов, источником их стал быстрый рост сбережений в развивающихся странах, обеспечивший значительный приток капитала в США и в другие развитые страны. В результате доходность «безопасных» («здоровых») активов понизилась, заставив инвесторов искать более высокую доходность через более рискованные вложения.

Недооценка рисков на многих рынках (жилищного строительства, коммерческой недвижимости и др.) в США и других странах и неопределённый режим распределения этих рисков в мировой финансовой системе заложили основу для финансового кризиса. Тем временем приток дешёвого капитала помог финансировать бум в жилищном строительстве, набравшем рекордные темпы, так что цены на жильё стали снижаться. Но «жилищный бум» оказался в значительной мере продиктован обилием необеспеченных и потому особо риско-

ванных ипотечных сделок, что считалось «инновационным способом финансирования жилищного строительства». Такие инновации часто были выгодны, делая жильё более доступным, но они же закладывали основу и для последующих потерь. Снижение стоимости ипотечных активов для многих финансовых учреждений означало катастрофические последствия. Резко возросла потребность в ликвидности, многие системообразующие учреждения оказались неплатёжеспособными, риски пришлось повсеместно переоценивать: правительство старалось сохранить стабильность финансовой системы, не пытаясь предотвратить беспорядочный крах важнейших финансовых учреждений, вбрасывая на рынки ликвидность и принимая меры защиты интересов потребителей, бизнеса, инвесторов.

В результате кризиса, как считали советники, должно возникнуть несколько новых проблем для властей США, в том числе необходимость модифицировать и модернизировать финансовое регулирование, развернуть в нужном порядке несколько временных хозяйственных программ и разработать долговременные решения для проблем, возникающих в связи с деятельностью частно-государственных предприятий «Фанни Мэй» и «Фредди Мак».

Последующие разделы доклада Экономического совета при президенте Буше-мл. за последний полный год его деятельности обсуждают преимущества открытого режима внешней торговли и инвестиций (глава 4) и достоинства политики низких налогов, благодаря которой в предшествовавшие восемь лет появились дополнительные стимулы для работы, сбережений и инвестиций, и в связи с этим для преодоления ужесточающейся международной конкуренции доклад рекомендует провести новые снижения налогов на бизнес (с. 25). Перечисленные констатации и рекомендации – их в большой мере можно считать предложениями для использования следующей администрацией – видимо, из-за увлечённости авторов, невольно выдают невероятное, но, к сожалению, очевидное: потерю научного и гражданского профессионализма и утрату ответственности. «Человеческий фактор» прямым путём вёл к кризису, а потом, что и отражено в обсуждаемом докладе советников, – к его расширению и углублению сверх необходимого.

Это следует из ошибочно «лёгкого» диагноза наступавшей экономической болезни, к тому же сильно запоздавшего, из признанной самими советниками недостаточности принятых в 2008 г. мер и, наконец, из невероятно оптимистической датировки окончания кризиса. Для класса экспертов, из которых должен состояться Экономический совет при президенте США, сочетание такого рода следует считать невозможным. Но оно случилось и, значит, практически возможно и его повторение – в другом месте и времени, но в сходных опасных условиях. Это обстоятельство следует считать непредвиденным, такого сочетания в прежней практике госрегулирования в США и в истории работы Экономического совета не встречалось, да и, скорее всего, не могло предполагаться, но главное, оно никак не было предусмотрено законодательством: коллизия, возникающая при «послушном» Экономическом совете и своевольно либеральном президенте, была, очевидно, невообразимой для американского Конгресса в момент работы над законом «О занятости». Видимо, сейчас выявляются некоторые новые закономерности характера человеческих отноше-

ний в исполнительной власти крупных стран в рыночных условиях, на которые прежде не обращали внимания или которые раньше не были востребованы. Правда, никак нельзя сказать то же самое о предпосылках для зарождения подобных ситуаций, – предпосылки, вообще свойственные рынку, были всегда и даже в своё время послужили поводом для своеобразного конфликта в руководстве только что созданного Экономического совета при президенте США (дело происходило в 1947–1949 гг.) В те времена коллизия казалась в значительной степени порождением научной абстракции. В наше время полузабытый конфликт неожиданно обрёл критическое, т.е. воистину судьбоносное значение. Особую важность приобретает в сегодняшней обстановке и его разрешение.

Конфликт развернулся немедленно после создания и начала функционирования Экономического совета. Новый орган, предусмотренный принятым в 1946 г., сразу же по завершении Второй мировой войны, законом «О занятости», был во многих отношениях необычен. Он был задуман как связующее звено между экономической теорией и хозяйственной политикой, с одной стороны, и между исполнительной и законодательной властью и частным предпринимательством – с другой. В число его функций входили, например, координация правительственных экономических программ и мероприятий, их оценка, помощь в их разработке, защита исполнительных инициатив перед законодательной властью. Иначе говоря, новый орган исполнял до той поры не существовавшую в исполнительной власти США (да и других капиталистических стран) роль официального экономического «мозгового центра».

Но было бы ошибкой предполагать, что Экономический совет стал первым из органов экономического регулирования в правительственной и вообще властной системе Соединённых Штатов. Напротив, он увенчал эту систему, оказался своеобразным завершением десятилетиями создававшегося каркаса, целого комплекса уже существовавших в разрозненном виде регулирующих органов, занимавшихся разными направлениями экономики и экономической политики. Экономический совет вывел эту систему почти автономно действовавших органов на реально функционирующий системный уровень: без Экономического совета (или органа, соответствующего ему по функциям и целям) никакой механизм регулирования экономики или принятия правительственных экономических решений в рыночных условиях не представляется возможным.

Консилиум уклончивых консультантов

Именно поэтому на Экономический совет и его деятельность обращалось до 1970-х годов такое большое внимание, и потому же внимание это резко уменьшилось с 1980-х, когда в мировое экономическое сообщество одной из не прекращавшихся после 1930-х годов попыток, была, наконец, вновь насильственно внедрена идея «спасительной» либеральной экономики, ценой обманного отказа от смысла «утратившей силу» доктрины Кейнса, – она в реальности единственная, если бы правильно ее прочесть, и могла вывести из нежданно явившихся ужасов энергетического кризиса весь капиталистический мир, потому что именно для подобных ситуаций эта концепция и составлялась, тщательно

и любовно, в отличие от изготовленной ремесленниками либеральной поделки, годной для максимизации прибыли, но никак не для поддержки нормальной национальной экономики.

Последние годы умножили доказательства того, что либерализм лишён многих качеств, свойственных настоящей научной концепции, – это, собственно, доказывается каждым новым поворотом экономической истории, мировой и в национальных вариантах. Либерализм никак не может выйти за пределы комплекта специфических требований, пожеланий, рекомендаций, и недаром столь велик разброс в определениях и либерализма, и неолиберализма в экономике. Непредвзятый взгляд на эти течения сразу показывает их искусственность и несамостоятельность, так что становится странно: почему не замечали этого многие учёные и политики, в разные времена по-разному оказывавшие поддержку идее экономического либерализма. Все отличительные черты либерализма легко вписываются, в качестве отдельного случая, в рамки той же, например, кейнсианской концепции, – но она, в отличие от либерализма, не является «улицей с односторонним движением» и ограниченным набором целей и позволяет, как того и требует обычно живая многообразная реальность, не только уменьшать, но и «увеличивать» роль государства и его влияние на экономику. Кстати, кейнсианство напрашивается стать первым в ряду предположенных нами «заменителей-поглотителей» либерализма, – но оно, конечно, не единственное: пример того же неоклассицизма показывает, что без «добавки» хотя бы дольки кейнсианства «либеральные» учения на макроэкономическом уровне мертвеют, да и совсем не случайны все эти варианты учений категории «либерализм+»: это очень разумные попытки либерализма остаться в научном и практическом обороте и не оказаться забытым.

Но связка «кейнсианство – либерализм» – всего лишь одна из сторон проблемы. Другая её сторона: есть ли иные, кроме кейнсианства, учения и теории, вмещающие в качестве «частного случая», помимо или в дополнение к другим рычагам и инструментам воздействия на экономические процессы, все декларируемые либерализмом цели и предлагаемые методы их достижения. И здесь невозможно пройти мимо марксизма. Мысль о нём возникает вообще-то прежде кейнсианства или какой-либо другой теории, и это понятно: марксистская теория временно считается недееспособной, но это не отменяет того, что всем хорошо известно, – эта теория системна, разработана лучше всех других и касается бóльшего числа экономических явлений, чем любая другая отдельно взятая экономическая теория. В марксизме при желании легко найти всё, к чему стремится и чем хотел бы манипулировать любой амбициозный экономист любого из научных направлений, и такое утверждение вовсе не означает, что марксизм безгрешен, безошибочен и должен находиться вне зоны критики. Напротив, учение Маркса должно быть открыто критическому рассмотрению не меньше, а больше других теорий, однако при условии, что критика аргументирована, квалифицирована и не сводится к тому, что «Маркс не сумел предвидеть глобализацию и её последствия». Дело не в том, что другие теории хуже, и тем более не в неподсудности марксизма, но в том, что эта теория более полно, глубоко и многообразно описывает и анализирует экономические процессы в их системной взаимосвязи. Наверное, нельзя не упомянуть, что

провалы и ошибки марксизма, действительные и надуманные, активно разоблачавшиеся в 1980-е – 1990-е годы под влиянием модного тогда и нелогично всесильного либерализма, в наши дни уже никак не кажутся ни безысходными, ни вообще более важными, чем провалы и ошибки и тем более белые пятна, заполняющие другие теории.

Однако пора вспомнить: дело ведь не столько в ошибках теории, сколько в её пригодности для практики, в её способности работать в реальной экономике, внося направленные и эффективные изменения. А в этом смысле равных марксизму нет: ближе всех других к нему, но с огромным отрывом – кейнсианство, а уже, скажем, монетаризм, маржинализм или тем более неолиберализм не смогут похвастать ни одним эффективным «рабочим днём» в условиях действующей экономики какой-либо страны. И всё это мы вправе сказать уже после того, как марксизм в России более 70 лет работал вовсе не в виде целостной теории, как её хотел изложить и применить на практике Маркс, а скорее в форме концепции, слепленной по мотивам марксизма и неоднократно менявшейся и искажавшейся посторонним вмешательством в угоду политическим интересам или выгодам.

Нам удалось наблюдать действие марксизма, частично модифицированного, частично адаптированного и многократно извращавшегося. «Рабочих показателей» настоящего марксизма никто не знает. Но, насколько можно судить, в марксизме, как, в общем, и в кейнсианстве, либерализм с его патологическим стремлением «уменьшить долю государства» вполне может стать частным случаем, рассчитанным на применение в условиях, когда действия государства ошибочны или превышают пределы необходимого. Однако посулы либерализма, взятого отдельно и без мощного ограждения выверенных научных теорий, – совсем другое дело. Либерализм «самостоятельный» сам и берётся всем экономическим процессом руководить, но в целях, совершенно не схожих ни с кейнсианством, ни с марксизмом: главное, грубо говоря, не благосостояние страны, не стабильность экономики, а максимизация прибыли. При «ненужном» государстве внимание ко всем государственным экономическим ведомствам естественным образом ослабляется, даже если либерально-экономическая идеология ещё и не завоевала официально командных позиций. Правда, приходится оговориться: расчётливому крупному капиталу «мозговой трест» для экономики тоже нужен: это очень хорошо показал когда-то президент Р. Рейган.

В том и заключается своеобразие президентского периода Буша-мл., что при нём были нарушены, искажены или постоянно игнорировались сложившиеся к концу XX века и ставшие привычными традиции в отношении порядка и целевых установок для основной деятельности Экономического совета и всего государственного экономического аппарата. Но при этом, видимо, требования имеющегося законодательства не были нарушены, во всяком случае, упоминаний и ссылок на такие нарушения пока не встречалось. Однако состав нарушений, которые привели к нынешнему кризису, – через отказ от внимательного наблюдения за экономической конъюнктурой, немедленного выяснения наиболее достоверных причин неблагоприятных изменений и принятия блокирующих или противодействующих мер и т.п., – впечатляет. Внимания американской общест-

венности эти нарушения, правда, не привлекли ни тогда, когда совершались, ни когда приходится разбираться с печальными их последствиями. Общественность получила за годы республиканского правления и – в особенности – экономического руководства Буша-мл. устойчивый иммунитет к активному правительственному регулированию экономики, так что сложившийся статус бездействующего Экономического совета выглядел нормой.

Конечно, это может быть одним из рабочих режимов для совета – и более того, такой режим известен из истории первых же лет его функционирования.

Паралич идеологии активного роста

Этот режим, что может показаться удивительным, в сущности, полностью соответствует рамкам, очерченным законодательством, так что в функционировании механизма государственного регулирования экономики неопределённо значительную или неопределённо малую роль может, по многообразным обстоятельствам, играть особенно модный в наши дни, но существовавший всегда человеческий фактор, меняющийся при этом в неустановленно широких пределах, однако «дозировка» этого фактора, обладающего чрезвычайно сложной и не только психологической природой, определяет очень многое и в функционировании законодательства, и в режиме работы механизма госрегулирования.

Неопределённость статуса членов совета и результатов его работы, можно полагать, была особенно заметна самим членам и их окружению, а некоторых из них и тревожила ввиду естественной для первых лет функционирования нового совета необходимости найти для своего учреждения, непривычного для вашингтонской властной иерархии, место, дающее возможность выполнять возложенные на него законом обязанности и при этом не нарушающее общей сложившейся философии административно-правительственного управления США, а к тому же, что немаловажно, внутренней логики капиталистической экономики, включая и принцип свободного предпринимательства. Поиски «места» начались сразу и, что называется, поневоле, как только совет приступил к практическому исполнению обязанностей.

В первом составе Экономического совета, в соответствии с законом, был назначен председатель, но, в отличие от всех последующих составов, имелся ещё и вице-председатель. Должности эти занимали соответственно Эдвин Нурс и Леон Кайзерлинг, оба известные в стране специалисты, однако, как оказалось, очень по-разному понимавшие свои новые обязанности. Речь не о научной или даже обычной человеческой ответственности; оба ставили эти качества среди исповедуемых ценностей на одно из первых мест, – иначе, находясь в центре политического внимания, они не были бы назначены или утверждены. Однако в этот момент, может быть, неожиданно, а вполне возможно – и ожидаемо – дала о себе знать особенность, сопровождающая работу правительственных советников в процессе принятия экономических – и не только, в общем, экономических, решений во многих странах.

Развернулась неожиданно острая борьба между двумя концепциями научно-практической подготовки таких решений. С отголосками, а может быть, и с

продолжением этой борьбы мы имеем дело и сегодня. Более того, суть той борьбы лежит в основе главных причин, готовивших полвека спустя нынешний, самый «непонятный» за этот период, кризис. Эта суть – во всё том же пресловутом человеческом факторе, а из составляющего его моря конкретных возможных, ожидаемых и неожиданных проявлений – не самый часто встречающийся фактор расхождения взглядов на пределы научной ответственности и должностных обязанностей. Этот диагноз необычен, но весьма широк, его уточнение, необходимое и поучительное, заставляет пересказать весь эпизод из 1940-х годов, тем более, что ситуация тогда сложилась не слишком стандартная и не только вернувшаяся в сегодняшнюю реальность, но к тому же вообще, вероятно, «бессмертная».

Положение создавалось и усложнялось многослойной разноплановостью действовавших факторов и вызывавших их мотиваций. В самом начале работы над созданием совета – на стадии формулирования текста законопроекта – в качестве цели ставилось оказание помощи президенту: вырабатывать экономические решения и законопроекты по важнейшим вопросам. Но эта цель не была единственной, и вторая, «не главная», как это часто случается, одновременно была необходимой для обеспечения выполнимости первой, но ей же и противоречила. Конгресс не желал, как всегда при обсуждении «президентских» проблем, слишком усиливать президентскую власть, а точнее – потерять в результате часть своей. Поэтому многие положения законопроекта не отличались абсолютной ясностью, т.е. уходили от возможности быть истолкованными в безусловную пользу той или другой – законодательной или исполнительной – стороны. В частности, не была достигнута определённость относительно обязанностей совета – остался, например, открытым вопрос о характере и способах доведения результатов проводимого анализа и разработанных рекомендаций до президента и о характере последующих действий совета. Упущение это не казалось по тем временам серьёзным и важным, оно как будто касалось не столь уж существенной детали, тем более на фоне главного достижения – создания принципиально нового правительственного органа.

Дело было, конечно, не в цвете папок, содержавших результаты анализа экономики, и не в литературном оформлении. Предметом бурного конфликта стало различие в трактовке участия науки в практике правительственного управления экономикой (экономического регулирования), исповедовавшихся двумя (на тот момент) руководителями Экономического совета при президенте США. Из конфликта того времени нам более всего интересны две особенности: то, что этот конфликт или по меньшей мере спор сохранил до нашего времени сторонников обеих точек зрения, остающихся примерно такими же, что и 50 лет назад, а также и то, что спор этот фактически вёлся между двумя экономистами двух разных направлений. Тогда эти направления называли «активным» и «пассивным», имея в виду способ распоряжения подготовленными советом материалами и рекомендациями; сегодня в Европе спорщиков скорее назвали бы представителями двух разных школ – либеральной и кейнсианской (или прагматической). Слово «либеральный» применительно к экономике в то время не было в таком ходу, как 40–50 лет спустя, но сегодня в подобной дискуссионной схватке оно было бы самым подходящим.

Суть спора, перешедшего в конфликт, была проста. Если её не обрамлять философскими рассуждениями, она и состоит в «активном» или «пассивном» отношении к исполнению своих обозначенных законом обязанностей. Однако без философии, оказалось уже тогда, не обойтись, в наши дни – и подавно. Правда, здесь тоже придётся сделать оговорку: в то время рассуждения на тему «активная наука» – «пассивная наука» звучали совсем не так, как в наши дни, – различия во мнениях сторон были более откровенными, не камуфлировались невысказанным или преднамеренными двусмысленностями и поэтому сравнительно просты для анализа и сравнений.

Совершенно ясно, что позиция Э. Нурса объяснялась в первую очередь его убеждённости в том, что «наука – это только наука, но не политика», но никак не тем, что такая позиция пришлась по душе правящему президенту. Беда, однако, в том, что эту убеждённость многие разделяли и в те времена, но ещё более популярной она стала в наши годы, ближе к концу XX века. Это не обязательно означает, что в наше время увеличилось количество сторонников такой точки зрения или их доля в общем контингенте экономистов. Но голоса их в два последних десятилетия, до начала кризиса, звучали весьма громко, в то время как «несовпадающих» или противоположных мнений в 1990-е, например, годы и слышно-то не было.

Как потом оказалось, разного рода «несогласных» или далеко не во всём согласных с либеральными экономистами и доктринами среди российских специалистов по экономике едва ли не 90%. Надо полагать, не у всех была равная возможность излагать свои взгляды, поэтому создавалось впечатление, что, кроме либеральной экономики, другой и не бывает, – кстати, именно эту более чем сомнительную формулировку сторонники экономического либерализма не стеснялись употреблять в 90-е годы. Но, так или иначе, в 1940-е столкновение «активной» и «пассивной» точек зрения на роль экономической науки в жизни общества и в правительственном управлении оказалось необычайно острым. Сегодня это (или такое же) столкновение мы вполне можем увязать с борьбой либерального и нелиберального подходов к экономической политике и её разработке.

Позиция Нурса в то время вполне соответствовала нынешней позиции неолибералов – «чем меньше государства, тем лучше»; это, может быть, не было прямой целью Нурса, однако получалось само собой. Всякая активизация действий теоретиков могла преследовать только одну цель – употребить полученные результаты на нужды государства, на формулирование, формирование и проведение национальной экономической политики. Излишне говорить, что делать это, кроме государства, некому, и вопрос заключается только в том, будет ли у этих действий научно-теоретическое обеспечение, от кого и в какой форме, или же власти будут сами себе намечать линию экономического поведения исходя из своего понимания обстановки и из тех тактических и стратегических задач в экономике, которые поставили власти. Вероятен, впрочем, и третий вариант: никакого планирования заранее, экономическое поведение властей формируется в соответствии с поведением рынка, правительство берёт на себя минимум экономической ответственности.

Возможно, «рабочий лозунг» Нурса – «наблюдать и информировать» – ныне вызывает симпатии не у одних только закоренелых сторонников либераль-

ной экономики, но и у немалого числа изоляционистов от науки – у тех экономистов, и не только экономистов, кто убеждён в необходимости ограничивать научное творчество удовлетворением познавательного инстинкта. Вопрос об использовании полученных в исследовании результатов они считают правильным отделить от «чистой науки». Эта точка зрения вызывает сильное сомнение уже потому, что фактически игнорирует существование всей вообще прикладной науки. Но для экономистов такая позиция, наверное, самая несуразная, потому что сознательно ограничивает цели экономических исследований, хотя, как известно, результаты теоретического анализа должны быть проверены практикой. Если практический критерий проверки теории устраняется из оборота, научные исследования грозят обратиться в систему общих абстрактных «размышлизмов», бесцельный перебор вариантов, короче – свестись к искусству ради искусства. Нельзя считать такой подход совсем недопустимым, однако нельзя забывать и о проблеме общественной пользы, в данном случае играющей решающую роль.

Возможно, правда, что Нурса и его оппонента Кайзерлинга можно было бы отнести к представителям двух различных категорий учёных на основе несколько иных критериев: занятия фундаментальной наукой и прикладной, или чистой теорией и способами её приложения к практической экономике. В этом случае, разумеется, нельзя забывать об обстоятельстве, которое в сложившейся ситуации надо считать ключевым: Нурс, как и его заместитель и оппонент Кайзерлинг, находились на государственной службе и не в чисто исследовательском центре или лаборатории, а в центре по разработке правительственной, государственной экономической политики, и участие в этом процессе считалось, очевидно, их главной рабочей и профессиональной задачей, занятием и источником дохода. Но задача, как она содержалась в положениях закона «О занятости» 1946 г., сводилась к приложению усилий для предотвращения или смягчения кризисных явлений в экономике.

Выполнение этой задачи, надо полагать, включает и обязательный доклад руководству (президенту страны) своих выводов и рекомендаций, естественно, недвусмысленных и чётко аргументированных: это, по закону, входит в служебные обязанности членов совета, как, разумеется, и защита таких выводов и рекомендаций перед обществом и парламентом страны. Законодатели стремились ограничить сферу полномочий совета, отделить его от принятия правительственных решений по экономической политике, а заодно и от законодательных инициатив. Однако полностью двусмысленными сделать положения закона, излагавшие главные обязанности совета, было невозможно. Вполне понятно, что в этом случае противоборство различных направлений в экономической теории переплелось с извечным конфликтом разных сторон за чисто административное влияние, за сохранение или приумножение веса в правительственном управленческом аппарате, а в конце концов – за влияние на экономическую науку и экономическую стратегию, за баланс между общественными интересами и выгодами частных групп и капитала.

Детали этого отличия фиксировались и разъяснялись весьма настойчиво, так что не оставалось сомнений: новый совет – вовсе не свидетельство введения «коммунистической плановой системы» (это – с американской сторо-

ны), и в то же время это новое яркое доказательство органической неспособности буржуазной науки и практики ввести хозяйственную систему, способную рационально управлять распределением национальных ресурсов и предотвращать регулярные экономические кризисы (такими были отклики с советской стороны). Взаимные заверения-обвинения, как всякое хоть частично пропагандистское мероприятие, страдали преувеличениями и излишествами, которые оказывались в конце концов вредны как раз той стороне, которая их допускала. Нельзя пожаловаться на отсутствие научного внимания к новому явлению в правительственной управленческой практике США со стороны советских исследователей. С практикой было значительно хуже, что и понятно. Только очевидное предчувствие необходимости проведения экономических реформ в СССР несколько поколебало, – но не изменило, – эту тенденцию. Тому способствовали многие несообразности, мешавшие точно определить место и роль совета в системе экономического регулирования США, а позже – возможное и необходимое применение подобного органа в реформируемой советской системе экономики.

Одна из таких несообразностей – множественность названий этого органа, получивших хождение в советской и российской научной и общественно-политической литературе. Такое явление сравнительно безобидно только до той поры, когда интерес к такому органу переходит из теоретической в практическую плоскость. Возникает путаница и с функциями, и со статусом нового органа, и с его полномочиями и возможностями, не говоря уже о том, что вместо одного ведомства в научном и прикладном хождении оказываются несколько – с единственным оригиналом в американской правительственной иерархии.

Первые шаги администрации Обамы свидетельствуют: её экономический блок понимает, что в последние десятилетия, особенно в связи с развалом СССР, экономическая политика для ведущих держав всё больше превращается в увлекательную игру за сохранение выгодных позиций в мировой экономике. На смену использованию выводов серьёзной экономической мысли пришло безнадзорное жонглирование «свободными силами рынка». Но эта игра чревата безмерными рисками. И теперь главную свою задачу администрация видит в возвращении разумного равновесия в экономике между государством и свободным предпринимательством при императивном участии государства в рыночной системе, в восстановлении тихо деградирующей экономической теории и в выработке новой философии для экономической политики.